

Любимова Г.В. Эпидемия в Сибирской деревне: взгляд со стороны практической медицины и религиозно-магической практики (конец XIX - начало XX вв.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 24-25 сентября 2003 г. Материалы V Международной конференции. Барнаул: БГПУ, 2003. С. 182-187.*

К факторам, благодаря которым Сибирь всегда считалась зоной рискованного земледелия, обычно относят суровые природно-климатические условия и связанные с ними стихийные бедствия - ранние и поздние заморозки, засухи, наводнения, градобитья и пр. Вместе с тем, регулярные эпидемии и эпизоотии, ежегодный всплеск которых, как правило, приходился на жаркие летние месяцы - пору наиболее интенсивного крестьянского труда - имели самые негативные последствия для развития сельского хозяйства Сибири вплоть до середины XX в.

По данным В.А.Зверева, в Европейской России смертность сельского населения в летний период ярче проявлялась по мере продвижения на восток и усиления континентальности климата, в Сибири же в южных районах она была выражена сильнее, чем в северных: летний подъем смертности на юге «начинался раньше, был выше и длился дольше», чем в северных холодных регионах [2, с. 95]. Сильнейшие эпидемии дизентерии и других заразных болезней, каждое лето охватывавшие сельскую местность, по некоторым подсчетам, являлись причиной $\frac{1}{4}$ всех смертей взрослого населения Сибири и почти половины случаев гибели младенцев в возрасте до года на всем протяжении второй половины XIX - начала XX вв. [2, с. 95-96]. Помимо этого, настоящим бичом сибирских крестьян были не прекращавшиеся практически ни на один год эпизоотии чумы и сибирской язвы («сибирки»), поражавшие крупный рогатый скот и наносившие удар по конскому поголовью [13, с. 429-430].

Рост заболеваемости и смертности людей и скота, приходившийся на летние месяцы года, был одной из причин, по которой период летней жары считался не только «трудной», но и «опасной» порой в жизни крестьянства. Не случайно само «моженное время» в традиционных представлениях русских сибиряков связывалось с разгулом «нечистой силы». В «Описании круговорота крестьянской жизни» в Тюменском округе за 1894 г. читаем: «межень обыкновенно совпадает с Петровым постом... Нечистая сила приобретает в это

время особое значение. Выпуская скот, делают на нем смолою кресты. Некоторые места в лесу и в реке, особенно в полдень... следует избегать» [4, с. 54-56].

Причины несчастий, стихийных бедствий, а также повальных болезней людей и скота чаще всего осмыслились крестьянами как наказание за грехи, связанные с несоблюдением бытовых запретов и правил поведения. Д.К.Зеленин, к примеру, по этому поводу писал, что «не покрыв головы... замужняя женщина (по народным воззрениям, - *Г.Л.*) призывает... гнев Божий: неурожай хлеба, падеж скота, болезни людей» и пр. (ПФА РАН, ф.849, оп.1, №223, л.5). Не удивительно, что и система мер, выработанных крестьянской общиной на случай того или иного бедствия, могла быть одной и той же в самых различных обстоятельствах. Корреспондент РГО М.Серебренников в 1848 г. сообщал, к примеру, что в случае засухи, «несвоевременной стужи», а также «при пожарах, неурожаях, скотских падежах и на людей разных болезнях» крестьяне Томской губернии просят обычно «служить молебны с водоосвящением... и обносят иконы вокруг селений» (АРГО, р.62, оп.1, №2, л.2).

В целом, общий уровень народной медицины и народной ветеринарии указанного периода, как пишет Н.А.Миненко, был крайне низким. При лечении скота и людей сибирские крестьяне использовали обряды и процедуры, суеверные представления в которых явно преобладали над рациональными знаниями [9, с. 143]. Добавим к этому, что низкая эффективность принимаемых мер была неизбежным следствием плохого санитарного состояния жилищ и населенных пунктов, а также практически полного отсутствия квалифицированной медицинской помощи. В связи с этим особый интерес, на наш взгляд, представляют источники, в которых освещается деятельность первых профессиональных врачей среди населения, практикующего религиозно-магические методы лечения.

Не так давно в нашем распоряжении оказались два описания эпидемии, поразившей южные районы Западной Сибири в 1892 г. В первом случае события, связанные с быстрым распространением заболевания, были увидены глазами профессионального врача; во втором - зафиксированы местным краеведом по воспоминаниям самих деревенских жителей.

Непосредственный участник и очевидец событий окружной врач И.Казаринов, написавший своего рода отчет о «холерной эпидемии 1892 года в Сузунском заводе» [5, с. 171-181], сообщает о себе следующее: «прослужил я здесь почти 34 года... (все) от мала до велика... меня здесь знают, да и я мало кого не знаю» [5, с. 178], поэтому и достоверность приводимых автором сведений не вызывает никаких сомнений.

Очерк сузунского краеведа П.Ф.Пирожкова (1908-1979) также посвящен событиям, разыгравшимся в связи с «холерным пожаром», который бушевал в приобских селах в «разгар страды деревенской» летом 1892 г. [11, л. 1-2]. В своем очерке автор, в частности, приводит описание обряда изготовления «обыденной рубахи», которая, по мнению жителей, должна была спасти их от надвигавшейся смерти. Распространение заболевания, как следует из текста, носило молниеносный характер, а изложенные в очерке факты находят почти дословное подтверждение в описании И.Казаринова:

«Мыльниковский житель Назарка Колтачихин, - читаем у П.Ф.Пирожкова, - вернулся из извоза и привез из Томска-города страшную болезнь - холеру. Приехал и слег... (а) назавтра помер. А вслед за ним понесли на кладбище... покойников. Когда (дело) дошло до сотни смертей, людей охватила паника. Сузунские обыватели, страдававшие в Мыльниково, бросили все и побежали домой». Холера «начала косить людей (и) в Сузуне, (где) была больница и опытный врач» (здесь, вероятно, речь идет о самом И.Казаринове, - Г.Л.), однако «холерный пожар» перекинулся на соседние села - Малышево, Чируху, Тараданово и др. Единственным островком, не затронутым болезнью, оказалась деревня Зорина (11, л. 1).

«В 18 верстах от (Сузунского) завода, - пишет И.Казаринов, - есть деревня Мыльниково с населением менее 900 человек. В эту деревню холера была занесена из Томска одним из сельчан, возвратившимся оттуда с обозом (в данном случае, видимо, имеется в виду тот самый «мыльниковский житель Назарка Колтачихин», - Г.Л.). На пашнях и покосах этой деревни работает ежегодно некоторое число обывателей Сузунского завода. Вот из этого-то пункта собственно и развилась наша эпидемия. Из 870 или около того мыльниковцев... умерших было более ста человек. Процент хороший! Дело доходило, говорят, до паники, а судя по бегству оттуда наших обывателей (больных и здоровых) этому следует верить» (5, с. 174)

Не являясь очевидцем событий П.Ф.Пирожков опирался в своей работе на воспоминания жителей деревни Зориной. Написанный им очерк относится к жанру этнографической беллетристики, допускающей, как известно, элементы художественного вымысла, которые могут повлечь за собой непреднамеренное искажение действительности, поэтому для проверки того, насколько точно автор воспроизвел этнографические детали и всю обстановку

зафиксированного им обряда, необходимо было получить информацию непосредственно на месте описанных событий. Именно это и было предпринято автором настоящей статьи во время поездки в Сузунский район Новосибирской области летом 2000 г. Полученные в ходе полевой работы материалы полностью подтвердили приводимые в очерке П.Ф.Пирожкова сведения и позволили проследить бытование описанного им обряда вплоть до 30-х годов XX столетия [см. об этом: 6, с. 507-510].

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению самих источников.

И.Казаринов начинает свое описание с характеристики экологического состояния селения, на территории которого находился Сузунский завод, вырабатывавший к концу XIX в. «от 16 до 20 тыс. пудов меди» в год [5, с. 171]. «Строения (в Сузуне), - пишет автор, - обыкновенные сельские... Постройки скучены против всяких правил и законоположений... бани по преимуществу черные... Ниже селения существует несколько кожевенных, салотопенных, мыловаренных (и) свечных заведений самого примитивного устройства. Мочка кож производится в болоте», сток из которого осуществляется прямо в «близко протекающую речку». Вода для питья берется из пруда и составляющей его продолжение речки; «берега всюду загрязнены...свалкой всяческих нечистот». Колодезная вода «очень плохая», так как сами колодцы «всюду расположены около строений и скотных дворов» [5, с. 171-172].

Далее автор переходит к характеристике самого населения, большая часть которого представлена «коренными сибиряками» (русскими старожилами Сибири, - *Г.Л.*), занятыми в основном на медеплавильном заводе и перерабатывающих промыслах; переселенцев же «за неимением пахотных земель», по его словам, очень мало. Отметив, что сузунское население «сравнительно чистоплотно», поскольку «любит бани», автор приходит к важному для нас выводу о том, что «сильные эпидемии (в селении) редки», хотя процент смертности - «очень печальный (40 на 1000)». Главную роль в этом, по его мнению, играют бытовые условия, поскольку «процент (этот) дается по преимуществу смертностью детей... до 5-летнего возраста» [5, с. 171-172].

Отметим, что и тридцать с лишним лет спустя «бытовые условия» как главную причину массовых заболеваний сельского населения Сибири называл

учитель Маслянинской опорной школы Василий Казанцев, составивший в 1928 г. «Описание Маслянинского района Новосибирского округа» [10, л. 1-28]. Приведем некоторые сведения из его рукописи.

Признав, что природные условия района (расположенного к востоку от Сузунского, - *Г.Л.*) в целом благоприятны для здоровья, В.Казанцев пишет, что «быт населения в большинстве случаев создает массу антисанитарных условий» [10, л. 20 об.]. «Более или менее сносно», считает автор, живут сибиряки. «Избу они содержат в чистоте, моют 1 или 2 раза в неделю, каждый день метут. Особенно чисто содержится так называемая горница», которая используется для приглашения гостей и в праздники. В ней же находится «поставленная исключительно для красоты» (поскольку на ней «никто никогда не спит») кровать, покрытая разноцветным одеялом и двумя рядами подушек. На стенах висят дешевые фотографии членов семьи и лубочные картинки, очень часто встречаются комнатные цветы. В будние дни семья теснится на кухне, где «спят, принимают пищу и исполняют мелкие домашние работы». Лишь «крепкие середняки и зажиточные крестьяне» находятся, по мнению автора, «в более или менее сносных гигиенических условиях», однако при этом «спят все вместе на полатах или на полу, едят из одной посуды (и) вытираются одним полотенцем... Летом в комнатах (бывает) масса мух. Вблизи жилых помещений можно часто встретить кучи навоза и помойные ямы» [10, л. 20 об.].

Зажиточным в большинстве своем старожилам В.Казанцев противопоставляет переселенческую бедноту, дела у которой, по его словам, обстоят «в несколько раз хуже»: «в помещениях страшная грязь, теснота, спертый гнилой воздух. По стенам гнездятся легионы клопов и тараканов». Ограды переселенцы содержат, как правило, в чистоте, однако «улицы заваливают навозом и мусором». По этой причине, как заключает В.Казанцев, небольшие речки, по которым расположены деревни и поселки, сильно загрязнены и «могут великолепно служить для распространения всякой заразы» [10, л. 21], что полностью согласуется с выводами И.Казаринова.

Справедливости ради отметим, что различия санитарных условий в домах старожилов и переселенцев были связаны не только с уровнем достатка, но и с разными стандартами жилищной культуры, сформировавшейся в лесной и в степной зонах Европейской России соответственно. Сибиряки-старожилы,

как правило, проживали в высоких срубных избах, построенных по северорусскому образцу. Российские же переселенцы, прибывшие из южнорусских губерний, использовали в качестве строительного материала глину и солому, а также практиковали принятое у степных народов «избяное выращивание скота (телят, ягнят) и птицы», что вызывало насмешки со стороны «коренных» сибиряков [см. об этом: 1, с. 125-126].

Возвращая к описанию И.Казаринова, следует отметить, что накануне эпидемии, как только начали распространяться слухи о постепенном приближении холеры, ему удалось провести несколько профилактических мероприятий, включавших разъяснительную работу среди «сузунских обывателей». На четырех общественных сходах, как пишет автор, он «просто и кратко, однако без малейшей утайки» сообщил жителям Сузуна «все относящееся до свойств ожидаемой эпидемии». Ссылаясь на советы, выработанные современной наукой, он призвал население «отказаться от всякой зелени (сырых овощей и фруктов, - Г.Л.), не пить и не есть ничего не прокипяченного и не прожаренного», а в случае заболевания немедленно обращаться к нему. Помимо этого, автор упоминает бесплатный или льготный отпуск медикаментов заболевшим, постройку барака для тяжелобольных, а также установление карантина в самом селении [11, с. 172-173].

Сравним эти меры с теми, что были приняты в деревне Зориной. «Зоринские мужики - читаем в очерке П.Ф.Пирожкова, - собрались на сход к старосте... Говорили все сразу, наперебой. Наконец, мнения определились. Большинство считали, что надо закрыть все входы и выходы, поставить карантин и зажечь навоз вокруг деревни». Как видим, с самого начала в планах зоринцев и в действиях жителей Сузуна не было существенных различий. Однако далее в настроениях собравшихся произошел перелом. Верх на сходе, как следует из описания, удалось взять деревенскому колдуну, Ивану Гавриловичу Сотникову, «которого зоринцы считали рассудительным и к тому же обладающим тайной знахарской силой» [5, л. 1-2]. Именно он «решительно настоял» на том, чтобы наряду с обычными мерами, призванными не допустить распространения опасной болезни, были приняты меры магического порядка (о том, что авторитет «знающих» в сибирской деревне зачастую был выше, чем у

официальных должностных лиц, нам уже приходилось писать [см.: 7, с. 117-121]).

Приведенные материалы подтверждают вывод современных исследователей о том, что первые признаки модернизации, связанные с радикальным преобразованием менталитета, культуры и образа жизни крестьянства появляются в русской деревне Сибири на рубеже XIX - XX вв. При этом поведение традиционного типа лучше всего сохраняется в относительно изолированных, удаленных от городов и путей сообщения местностях, а рациональный или современный тип поведения быстрее распространяется в пригородах, зоне влияния Сибирской железной дороги, а также в местах горнорудных разработок [2, с.241-242].

Еще раз обратим внимание на лиц, взявших на себя роль лидеров в условиях всеобщего бедствия, когда возникла угроза жизни всему населению: в центре горнозаводского округа таким лидером оказался окружной врач; в небольшом волостном селении - деревенский колдун. Ход дальнейших событий в Сузуне и Зорино во многом был предопределен не только знаниями, но и авторитетом названных лиц среди местного населения.

Будучи профессиональным врачом, И.Казаринов использовал новейшие медицинские достижения своего времени и, в частности, с величайшей похвалой отзывался о «превосходном опийном препарате при желудочно-кишечных болях», который быстро снимал начальные симптомы заболевания - такие, как «мучительное чувство тоски и дурноты, жестокое давление в подложечной области» и пр. [5, с. 181]. За неимением иных средств дезинфекции он широко рекомендовал применять «кипяток, щелок, известь и деготь с золой», в использовании которых бывали и курьезные случаи. «В несколько пунктов, - пишет автор, - я посылал рецепт... для дезинфекции. Переделанный (и) перековерканный... (он) сослужил службу и для внутреннего употребления. Брали чайную чашку дегтя, столько же золы, две чашки кипятку, сильно и долго взбалтывали, отстаивали... и пили по ложке, а чаще по рюмке» несколько раз в день [5, с. 179, 180]. Народные методы лечения подобных болезней, как отмечает автор, были недостаточно развиты, саму же холеру, впервые появившуюся в Приобских селах, местное население, по словам И.Казаринова, олицетворяло в образе ведьмы [5, с. 176, 180].

Тем не менее, благодаря квалифицированным и своевременно принятым мерам последствия эпидемии в Сузунском заводе оказались не столь катастрофичными, как, например, в деревне Мыльниковой, где от холеры скончался каждый девятый житель. Всего в Сузуне, население которого на тот момент составляло 3717 человек, за период эпидемии с 10 августа по 31 сентября было зафиксировано 66 заболеваний, 24 из которых имели летальный исход [5, с. 175, 178]. Сам И.Казаринов небезосновательно оценивал подобный итог как «не очень печальный», но при этом на основании личного профессионального опыта подчеркивал, что «маленькую деревню очистить (от эпидемии, - Г.Л.) труднее, чем большой город» [5, с. 176].

Разыгравшиеся в связи с холерой события в деревне Мыльниковой и отчасти в деревне Зориной полностью подтвердили указанное суждение.

Взявшийся руководить действиями зоринцев деревенский колдун опирался исключительно на религиозно-магические знания и, как уже говорилось, «решительно настоял на том, чтобы сделать обыденную рубаху и огородить деревню «огородом» (специальной молитвой)» [11, л. 2]. Особенность «обыденной рубахи» заключалась в том, что всю ее - от обработки сырья до последнего стежка - требовалось изготовить в течение одного дня. Автору очерка удалось передать атмосферу исключительной слаженности и эмоционального подъема, сопровождавших процесс изготовления «обыденной рубахи». «Деревенские женщины, - читаем в очерке, - старались превзойти себя. Летела конопляная костра из под трепала, со звоном шипела железная щеть и тут же кудель попадала в руки прядильщиц. Свистели веретена, а кто-то уже гонял пустую сновалку, готовясь принять пряжу для основы. Кто-то тащил станины кросен и остальные части ткацкого стана. К вечеру готовая рубаха на глазах любопытной детворы была повешена как пугало у ворот поскотины» [11, л. 2].

В этнографической литературе зафиксированы разнообразные сведения об изготовлении «обыденных» (то есть, сделанных в течение одного дня или одной ночи) предметов для защиты от засухи, града, мора и прочих бедствий (см.: 3, с. 193-213), однако столь подробного описания обряда на сибирском материале ранее нам не попадалось.

Во время поездки в Зорино нам удалось познакомиться с Анной Тимофеевной Сотниковой (1917 г.р., в девичестве Немчиновой), которая сообщила о том, что все мужчины в роду ее мужа слыли колдунами. Свекр ее, Лука Иванович, и в особенности его отец, Иван Гаврилович, по ее словам, «шибко колдовали» (могли, к примеру, сделать так, чтобы в избе на свадьбе пошел дождь). Самого Ивана Гавриловича, про которого говорили, что он «знающий», Анна Тимофеевна помнит уже слепым (именно его, по всей видимости, и описал в своем очерке П.Ф.Пирожков, - *Г.Л.*).

Семейный клан Сотниковых, как показывают хранящиеся в сузунском районном архиве подворные и похозяйственные книги, насчитывал не один десяток человек. В хозяйстве Ивана Давидовича Сотникова, к примеру, высевались рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, греча, картофель, лен и конопля, наемный труд в нем не использовался, однако, как следует из «Описи имущества кулацких хозяйств» Зоринского сельсовета, в 1930 г. хозяйство было признано кулацким, а сам домохозяин - «социально-опасным» элементом, подлежавшим высылке с семьей «из пределов (Западно)-Сибирского края» (ф.46, оп.1, №8).

Что касается «обыденной рубахи», то А.Т.Сотникова сообщила следующее: давно, когда еще никаких колхозов не было, в деревне был «большой тиф», от которого «поумирало много людей». Тогда-то, по ее словам, сельчане и решили «в один день напресть, выткать и сшить рубашку», которую нужно было надеть на заболевшего человека, «чтоб (он) круг деревни (в ней) обежал». Делали такую *рубаху-обыдёнку* человек десять-пятнадцать женщин - «утром соберутся, лен прядут, ткут, шьют», а к вечеру - заканчивают.

Данные сведения полностью подтвердила уроженка с.Зорино Евдокия Михайловна Некрасова (1921 г.р.), ныне проживающая в с.Тараданово. В Зорино, по ее словам, в 1931 г. был сильный тиф, по этому поводу «собрались человек десять женщин и стали лен мять, прясть и ткать». Готовую - *обыдённую* - рубашку повесили на кол, «чтоб ветром обдуло» (ср. обобщенное название заразных болезней - «моровое поветрие», - *Г.Л.*). Заболевший человек должен был обежать в ней вокруг села, так как считалось, что «тот, кто рубашку наденет, непременно выздоровеет».

По сравнению с данными П.Ф.Пирожкова, который пишет, что готовую рубаху просто вывешивали «у ворот поскотины», мы видим, что со временем обыденные рубахи стали использоваться как средство индивидуального излечения, предполагавшее непосредственный (телесный) контакт больного с «целебной» тканью. Подобный способ применения обыденных рубах у сибиряков-старожилов был зафиксирован Е.Ф.Фурсовой, которая пришла к выводу, что надевание такой рубахи «имело цель... обмануть болезнь подарком и отдать одежду взамен живых людей» [14, с. 52]. Вместе с тем, сравнительные материалы по славянской этнографии показывают, что обыденные предметы (холсты, полотенца, деревянные кресты и даже храмы) чаще всего создавались в ситуациях, угрожавших благополучию всего коллектива, в том числе, во время военных действий. У сербов, к примеру, все уходившие на войну мужчины должны были пролезть через рубаху, сотканную и сшитую за одну ночь женщинами села; считалось, что это должно было предохранить их от смерти [12, с. 281].

В специальной статье, посвященной обыденным полотенцам и храмам, Д.К.Зеленин писал, что возникновение самой идеи «обыденности», «с психологической точки зрения» остается загадочным [3, с. 212]. В то же время, скрупулезный анализ белорусского и западнорусского материала позволил автору прийти к выводу, что магические свойства обыденных предметов заключались в «безупречной чистоте», обусловленной способом их изготовления, который исключал какой бы то ни было контакт с нечистой силой [3, с. 204-205]. Наряду с признаком чистоты исключительное значение, на наш взгляд, имели полнота и завершенность всего процесса труда, его «спрессованность» во времени, что и обеспечивало, по народным воззрениям, магическую силу подобным предметам (подробнее см.: [6, с. 507-510]).

Помимо изготовления обыденной рубахи зоринские крестьяне предприняли еще одно средство магической защиты от повального мора. По совету того же И.Г.Сотникова, они решили «укрепить деревню огородом», что представляло собой вариант хорошо известного по этнографической литературе обряда «опахивания» (см. [8, с.157-160]). Запряженные в соху две девушки и парень («непорочные» и «благочестивые» по условиям обряда!) должны были пропахать на себе полосу земли вокруг деревни.

«Надвигалась темная августовская ночь, - читаем в очерке П.Ф.Пирожкова, - Иван Гаврилович, облаченный в белую рубаху и такие же штаны, босый, с непокрытой головой, давал последние указания». И далее: «Медленно идет деревенский колдун», а за ним, громокая на буграх и ямах, следует тройка с сохой. В ночной тиши раздаётся монотонный голос: «От земли и до неба, от востока и до запада...». «Полоса земли должна преградить путь холере... Так наши недалекие предки боролись с эпидемиями, которые частенько посещали здешние места» [11, л. 2].

К сожалению, у нас нет данных, насколько эффективными для жителей деревни Зориной оказались принятые меры, однако есть основания полагать, что эпидемия действительно обошла этот населенный пункт стороной. Причины подобного исхода были связаны, конечно же, не с магическими свойствами обыденной рубахи и вспаханной полосы земли, а с отсутствием контактов между зоринцами и заболевшими холерой соседями.

Отметим, что в трансформированной форме обычай очерчивать магический круг в случае повального мора людей и скота сохранялся в деревне вплоть до 60-х годов прошлого века. По словам той же Е.М.Некрасовой, в 1963 г. эпизоотия «ящера» поразила деревенское стадо и чтобы не допустить падежа скота сельчане «ездили кругом села на машине», бросая на землю подожженные пучки сена. В данном случае, как и в «классических» вариантах «опахивания» при помощи сохи или плуга, невидимая магическая преграда должна была предотвратить проникновение болезни в пределы охраняемой территории.

Итак, рассмотрев источники, посвященные описанию событий, вызванных одним и тем же бедствием, мы можем констатировать, что в пределах сравнительно небольшого округа, практически в соседних населенных пунктах, на рубеже XIX и XX вв. наблюдались различные стратегии поведения сельского населения. Эти стратегии, воплощенные в деятельности сузунского окружного врача и зоринского деревенского колдуна, хорошо демонстрируют процесс смены ментальных систем, вызванный переходом общества от традиционно-аграрного этапа к этапу индустриальному.

Примечания

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты № 02-01-00329а и 02-06-00201а

АРГО - Архив Русского Географического общества

ПФА РАН - Петербургский филиал архива Российской Академии наук

1. **История** культуры Алтая. Барнаул. 1999.
2. **Зверев В.А.** Дети - отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX вв. Новосибирск, 1993.
3. **Зеленин Д.К.** «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 1994.
4. **Зобнин Ф.** Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского округа) // Живая старина. СПб, 1894. Вып. I.
5. **Казаринов И.** Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе // Алтайский сборник. Общество любителей исследования Алтая. Томск, 1894. Т.I.
6. **Любимова Г.В.** «Обыденная рубаха» (способ избавления от повального мора, зафиксированный в б.Малышевской вол. Барнаульского у. Томской губ.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000.
7. **Любимова Г.В.** Категории «знающих» людей в сибирской деревне (материалы к словарю понятий и терминов) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып.4.
8. **Любимова Г.В.** Ритуально-магическая практика в условиях стихийных бедствий и других ситуаций коллективного неблагополучия (на материале традиционной культуры русских старожилов Сибири) // Экология и традиционные религиозно-магические знания. Материалы международного научно-практического симпозиума. М.2001. Ч.1.
9. **Миненко Н.А.** Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII - первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.
10. **Описание** Маслянинского района Новосибирского округа, составленное весной 1928 г. учителем Маслянинской опорной школы Василием Казанцевым. (Ксерокопия рукописи имеется в Маслянинском районном архиве).
11. **Пирожков П.Ф.** Обыденная рубаха. (Машинописная рукопись хранится в фонде автора в Сузунском районном краеведческом музее).
12. **Славянская** мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
13. **Туров С.В.** Влияние эпизоотий на русское скотоводство Западной Сибири (XVIII- первая половина XIX в.) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск - Омск, 2000.
14. **Фурсова Е.Ф.** «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Известия СО РАН СССР. Серия: история, филология, философия. Новосибирск, 1992, №1.